

УДК 392.51
ББК 63.529

Л.И. НИКОНОВА, С.Д. ТРИБУШИНИНА

ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В СВАДЕБНОЙ ОБЯДНОСТИ МОРДВЫ: ИЗ ИСТОРИИ ТРАДИЦИЙ СЕЛЬСКОГО БЫТА

Ключевые слова: транспортные средства передвижения, свадьба, традиция, мордва, сельский быт.

Возрастающий интерес к многообразию традиций жизнеобеспечения на селе в этнотуризме и в сфере сохранения культурного наследия для подрастающего поколения делает актуальным научные изыскания в области применения тех или иных средств в обрядовой культуре. Свадебная обрядность с участием традиционных транспортных средств передвижений и их элементов является одной из наиболее привлекательных для изучения и воспроизведения. Научная новизна исследования обусловлена отсутствием комплексного анализа роли транспортных средств передвижения в свадебной обрядности у мордовского населения в Республике Мордовия и за ее пределами.

Цель исследования – провести комплексный анализ использования средств передвижения, их элементов и образов в системе свадебного обряда мордвы на территории Поволжья.

Материалы и методы. В статье проанализированы данные по участию транспортных средств передвижения в свадебной обрядности у мордовского населения, полученные из научно-исследовательской литературы и полевых сведений, собранных как в Республике Мордовия, так и в этнографических экспедициях в Саратовской области. Были применены методы историзма, типологизации и сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования. Выявлена терминология транспортных средств и их составляющих, содержащаяся в историко-этнологическом и лингвистическом материале: наименования, связанные с обустройством свадебного поезда (названия свадебных кибиток («он-ава», «онавас», «онавать алу», «онавать фталу»), участников процесса («ава-куда», «атя-куда», «анда»), предметов, украшавших транспорт «вельхдэрда», «гарни», «громок»), и др.). Проанализированы этапы свадьбы, в процессе осуществления которых использовался транспорт: поездка невесты к родственникам для подготовки приданого, приезд свахи к жениху, свадебный поезд и др. В статье приводятся фольклорные произведения, подтверждающие использование транспортных средств разных видов (лошадей, телег, саней и т.д.).

Выводы. Анализ свадебного обряда показал, что мордва активно использовала транспортные средства разного типа в процессе его проведения. Определенная роль отводилась лошади (для всадника и в запряжке, например, цугом; как тягловой силе для перевозки людей, вещей, продуктов и т.п.) и упряжи (кнут, сбруя, вожжи и т.п.), санно-колесным (сани, телеги) группам традиционных средств передвижения (розвальни, кибитка, карета, дрожки и др.).

Введение. Свадебная обрядность мордовского населения всегда привлекала внимание путешественников, краеведов, ученых. Широкий спектр источников, научно-популярной и научной литературы содержит подробное описание материальной и духовной культуры мордовского населения, в том числе системы свадебных обрядов во всем ее многообразии.

Мордва – один из самых многочисленных по численности финно-угорских народов Российской Федерации, отличающихся значительной дисперсностью расселения. Третью мордовского населения страны проживает в Республике Мордовия (290 750 человек). Это обуславливает разнообразие элементов материальной культуры, применяемой как в быту, так и в обрядовой системе. В статье освещается роль транспортных средств передвижения в свадебной

обрядности сельской мордвы, расселенной на коренной территории мордовского края и в регионах Поволжья.

Материалы и методы. Для изучения транспортных средств передвижения в свадебной обрядности применялся метод историзма, предполагающий анализ истории применения транспортных средств передвижения в свадебной обрядности в динамике, типологизации транспортных средств передвижения мордвы, изученных ранее и дополненных современными изысканиями, а также сравнительно-сопоставительный метод с привлечением данных об изменениях роли и видов транспортных средств передвижения в свадебной обрядности мордвы на коренной территории проживания и в Поволжье. Выявлены особенности их распространения, обусловленные дисперсным расселением мордовского народа, нехарактерной природно-климатической и этнокультурной средой проживания, изменениями социально-экономических и бытовых реалий.

К числу работ по свадебной обрядности мордовского населения с освещением участия традиционных транспортных средств передвижения относятся публикации М.Е. Евсевьева, М.Т. Маркелова, А.А. Шахматова [1, 2, 5, 18]. Из работ зарубежных исследователей, обратившихся к изучению народного опыта жизнеобеспечивающей деятельности, используя применительно к антропологии данные естественных наук, психологии и медицины, следует указать работы Т. Ингольда, Дж.М. Фостера, М. Хоппала [21–23]. Некоторые сведения об участии транспортных средств передвижения в свадебной обрядности у мордовского населения освещаются современными региональными учеными: Л.И. Никоновой, Т.Н. Охотиной, Т.П. Федянович и др. [12, 15, 16]. Были использованы полевые данные, собранные как в Республике Мордовия, так и в этнографических экспедициях в Саратовской области, с привлечением архивов, где был представлен материал этнографических экспедиций, проводившихся в начале и середине XX в. в Поволжье.

Цель исследования – провести комплексный анализ использования транспортных средств и их составляющих в свадебной обрядности мордвы, расселенной на коренной территории мордовского края и в регионах Поволжья.

Результаты исследования. Рост интереса к народным транспортным средствам связан с тенденцией к воспроизведению элементов традиционной обрядности в свадебной церемонии (действ, песнопений, игровых зрелищных мероприятий) и развитием этнотуризма. Вопросами изучения народного транспорта наиболее активно стали заниматься в 50-е гг. XX в. Значительный вклад в типологизацию традиционных способов передвижения внесли А.С. Бежкович, С.К. Жегалова, А.А. Лебедева, С.К. Просвиркина [17]. В мордовской этнографии специальные работы, анализирующие роль транспортных средств в жизни мордвы, отсутствуют. Их упоминание в трудах исследователей мордовского народа разрозненны. Подробное описание свадебного обряда, в том числе применение в них средств передвижения, содержится в трудах М.Е. Евсевьева [1, 2], упоминания о транспорте, преимущественно лошадях, присутствуют в фольклоре, отдельные сведения извлечены из научного архива Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН) (полевые материалы, собранные сотрудниками в разные годы) и монографий «Мордва: историко-этнографические исследования», «Мордва Заволжья» [9, 10], терминология отражена в мордовских словарях и др.

Разнообразные виды средств передвижения у мордвы и соседних с ними народов обусловлены особенностями природно-географической и климатической среды. В крестьянском быту и обрядовой жизни, в том числе во время проведения свадебных обрядов, использовались разные виды полозьевого и колесного транспорта в зависимости от целей их применения и времени года. Традиционные средства в процессе осуществления этапов свадьбы играли важную роль, непосредственно обеспечивая передвижение (проезд, доставка пищи, предметов быта) многочисленных компонентов свадебного обряда, чем обусловлено косвенно их упоминание в песнях, причитаниях невесты и т.д. В исследовательской литературе зафиксирована роль лошади (для всадника и в запряжке, как средство для перевозки людей, вещей, продуктов и т.п.) и упряжи (кнут, сбруя, вожжи и т.п.), санно-колесных (сани, телеги) групп с их разнообразием (розвальни, кибитка, карета, дрожки и др.), традиционных средств передвижения.

Анализируя проблему применения транспорта в сфере свадебных обрядов, в первую очередь следует обратиться к лингвистической стороне вопроса. В мордовских (мокшанском и эрзянском) языках присутствует значительный пласт терминологии, свидетельствующей о применении в процессе свадьбы именно средств передвижения. Наиболее полные сведения о них содержатся в трудах М.Е. Евсевьева, и лингвистических, и этнографических. В словаре «Эрзянь рузонь валкс» [2] приводятся наименования участников свадьбы: «ава-куда» (поезжанин-женщина); «атя-куда» (поезжанин-мужчина) [2. С. 7]; «анда» (поезжанин, член свадебного поезда жениха) [2. С. 21, 29]. С глаголами «поехали», «ездить», «приехали» и т.д. связаны слова «аштеме» (э.), «вельхдэрда» (м.), «гуська» (э.), «жойнемс» (э.), «казнеть-ловмат» (э.), «шольнямс» (м.), «килемс» (м.) и др., которые содержатся в названиях этапов и процессов свадебного обряда. Например, «молян ащеми» (э.), «аши конакыкс» (м.) – процесс отъезда девицы на месяц в гости к родственникам с целью подготовить больше приданого [2. С. 36]; фраза «кудань валгума чи» (э.) – день приезда поезжан [2. С. 54].

Источником свадебной терминологии, связанной с транспортом, являются «Мокшанско-русский словарь» и «Эрзянско-русский словарь», изданные в 1990-е гг. Например, термин «гарни» (м.) обозначает шествие свадебного поезда и колокольчики, которыми украшали дуги повозки [7. С. 140]; их также называли «громок» (м.) [7. С. 150]; «гусем» (м.) гуськом, «цугом», друг за другом – форма построения свадебного поезда [5. С. 153]; «онава, -т» (м.) свадебная повозка для переезда невесты в дом жениха [7. С. 439]; «онава» (э.) свадебная кибитка невесты с накидкой из белого материала и разноцветных лент [20. С. 438].

Исследователь М.Е. Евсевьев отмечал, что традиционная мордовская свадьба включала три основных этапа: сватовство с выполнением определенных правил, свадьбу в доме невесты, свадьбу в доме жениха. Каждый этап знаменовался использованием одного или нескольких видов транспорта.

Предваряло собственно свадьбу сватовство (м. *лекяма*, э. *чиямо*), воспроизводившее ряд последовательных действий: выбор невесты, вхождение к жениху с целью осмотра хозяйства, взаимные досвадебные одаривания, выкуп воды для пирогов, «девичья» баня для невесты, обряд приглашения гостей на свадьбу и др. Здесь из традиционных средств передвижения участвуют конь/лошадь, упряжь, сани и др. В научной литературе многократно описан старинный

обряд сватовства, бытовавший до конца XIX в., где большое значение имела лошадь. На ней отец жениха ночью отправлялся к дому жениха с отрезанной горбушкой хлеба без мякиша, заполненной медом. Он клал хлеб на воротный столб, стучал кнутом в окно, говорил хозяину дома, что приехал сватать его дочь, и уезжал. Отец и братья невесты стремились догнать его, если жених был беден, либо делали вид, что догоняют, если богат. Если им не удавалось настичь беглеца либо жених всех устраивал, то отец невесты также на лошади подъезжал к дому сватавшегося и озвучивал согласие на свадьбу. Такая форма сватовства считалась обязательной к исполнению, так как в случае нарушения договоренности, согласно мордовским верованиям, можно было получить наказание от духов-покровителей рода [15. С. 11–12]. Похожий ритуал был зафиксирован священником села Лобаски, только каравай к дому предполагаемой невесты привозил сам жених [13]. После этого в доме невесты устраивали «пропой». Существовал обычай ходить к жениху «дом глядеть», во время которого невеста с подругами обращались к свату с просьбой «на лошадах кататься по селу». Старший поезжанин катал их по улице, знакомя с дорогой к воде (к источнику), при этом он бил в барабан (в железное ведро), а по возвращении – плескал во всех водой. В завершение обряда девушки благодарили будущего свата словами: «Иях, иях, ия-ях, Иё, ваёх, ва-я-ёх! Пасиба, сват, пасиба! Серойть-буройть ракшазот, перелетнойть нурдозот / Спасибо, сват, спасибо За серых, бурых лошадей, за перелетные твои сани, за вытянутые, как проволока, вожжи...» (с. Выша, Кадышеве, Киртелях, Кильдюшеве, в дд. Починки, Новольяшевой в пределах Симбирского у.; с. Урюме Тетюшевского уезда Казанской губ.) [1. С. 10, 16, 432].

Между сватовством и свадьбой проходил довольно продолжительный период, но к концу XIX – началу XX в. он составлял до 2-3 недель. Это время было предназначено для подготовки к свадьбе, родственники жениха обговаривали окончательную дату ее проведения (м. *шинь путома*, э. *чиньпутома*), а невеста готовила приданое [9. С. 179]. Использование транспортных средств в этот период имело практический характер для передвижения между домами жениха и невесты, перемещения молодой и ее подруг в дом родственников, чтобы по истечении времени привезти обратно, доставке обрядовой пищи и др. Российский этнограф Т.П. Федянович подробно описала обряд переезда невесты с подругами к родственникам по материнской линии для прядения и вышивки свадебной одежды и подарков. Он осуществлялся на традиционном транспорте соответственно времени года, преимущественно на телеге, учитывая, что у мордвы принято было играть свадьбы в летне-осенний период. В Альметьевском и Черемшанском районах Республики Татарстан, Алатырском районе Республики Чувашия и Кармаскалинском и Бижбулакском районах Республики Башкирия с собой принято было привозить пироги и хлеба по числу недель, которые собирались гостить. Обратно с собой увозили столько же [15. С. 24].

Применялись транспортные средства и при осуществлении такого предсвадебного обряда, как мытье невесты в бане (м. *стирьбаня*, э. *тейтерень баня*) [9. С. 179]. Принятие «девичьей бани» сопровождалось исполнением причитаний и ритуальными действиями с применением средств передвижения (телеги, сани). Одним из них было катание по селу, дуги телеги или саней обвешивались колокольчиками. Во время поездки по селу подруги громко пели, а невеста причитывала. В с. Оркине Петровского у. Саратовской губ. в данном

обряде использовали сани или телегу, в которые запрягали украшенную колокольчиками лошадь. Жених дарил подругам невесты полотенца и куски холста, которые они повязывали на голову перед поездкой. Сама поездка включала остановки на всех перекрестках и возле церкви, от которой шла дорога к кладбищу. Каждая остановка сопровождалась выходом невесты с причитаниями. Особенно громко они исполнялись на пути к кладбищу для прощания с умершими родственниками [12. С. 128].

Наименования колесных транспортных средств по сословию и деятельности ездоков приводятся в обряде «расставания с девичеством», в процессе которого невеста выходила во двор и причитывала, выполняя определенные ритуальные действия (вырывание пряди волос из косы, вдевание его в кольцо и передача незамужней родственнице или подруге): «Боярт ардтнить тройкасо, купецть ардтнить дрожкасо» / по большой дороге много ездящих: бояре ездят на тройках, купцы ездят на дрожках» (1889 г. С. Папулеве (Сакулька), Ардатовский у. Ульяновской губ.)» [1. С. 245]. У мордвы-мокши накануне дня свадьбы родственники невесты укладывали (наполняли) сундук, перевозимый на последующих этапах свадьбы к жениху [1. С. 430].

В предсвадебные дни исполнялись песнопения и причитания, содержащие косвенные упоминания коня, лошади. Так, накануне свадьбы в с. Оркино Петровского уезда Саратовской губернии, в последний перед непосредственно свадебным днем вечер будущие свекры совместно с «назначающими день» (четыре родственника, принимавших участие в назначении даты проведения свадьбы) приходили к невесте. Обращаясь к свату, они пели, упоминая об «упряжной кляче»: «Сват Иван барин, господин! Брось на нашу долю наш пай. Если ты бросишь нашу долю, если ты дашь наш пай, уродится плодородный хлеб, пусть расплодится (твоя) упряжная кляча» [18. С. 190, 191].

Наиболее значимое место в обрядовой системе занимал свадебный поезд. Его формирование сопровождалось рядом обрядовых действий, значительную роль в которых играли воспроизведение образов коня и использование транспортных средств. Начиналось оно с приготовления специальных пирогов в доме жениха. При выпекании проводился следующий обряд. Все принимавшие участие в процессе незамужние родственницы жениха и сваха брали в руки палки, украшенные лентами, изображавшие лошадей, садились на них верхом и трижды обходили вокруг квашни с тестом. Следом женщина, наряженная конем, с воспроизведением соответствующих звуков, характерных для данного животного, обносила ее зажженной лучиной [14. С. 61, 415]. Принято было печь от 5 до 9 пирогов, главный из которых *лувонь киш* [8. С. 188], состоящий из 9 ингредиентов, украшали фигурой всадника на коне в окружении лент и цветов [1. С. 90]. Он предназначался для родственников невесты и отдавался ее отцу в качестве символического выкупа. Его принято было есть после отбытия свадебного поезда [9. С. 36].

В день свадьбы или накануне жених ездил за свахой. Его приезд осуществлялся на запряженных лошадях, повозке и сопровождался исполнением песен о лошадях, упряжи. М.Е. Евсевьев так фиксирует это действие: «Нарядившись, жених закладывает пару лошадей и едет за свахой, если сваха в своей деревне или недалеко от нее, но в дальнюю деревню за свахой ездят накануне свадьбы» [1. С. 73]. Ехавшие с ним молодые родственницы пели песни, подчеркивавшие важность поездки именно на запряженных лошадях: «Кильдень-поводень лишмесэ, камбрзстонь-панстонь ракшасо / на запряженных

лошадях, на оседланных, взнузданных конях» [1. С. 74–75]. Подъехав к воротам свахи, участники въезжали во двор, исполняя песню с перечислением мест, которые они проехали: «Велень кувалт ютынек, порядкань кувалт ловнынек / мы проехали вдоль всего села, мы прокатились вдоль порядка» [1. С. 77]. Сваха к этому моменту с заранее испеченными курником и орешками (маленькие сдобные лепешки) выходит на крыльцо и вводит гостей в избу. Здесь совершаются некоторые обрядовые действия, после чего все присутствующие должны были не просто отправиться в дом жениха на хорошей повозке, но и выпрячь ее: «Пара лишмень совавтсынъ, паро повозкам перьгавтсынъ / пару лошадей своих я введу, хорошую повозку свою выпрягу» [1. С. 8]. Подружки и стряпухи, после приезда свахи и проведенного обеда, обращаются к свахе с песнями, напоминая ей об ответственности в поездке за себя и за поезжан во время свадебного поезда: «Сваха бояравине! Сваха азоравине! ... Кода молят ят мастере, вавок, вавок эсь пирят, седеяк ванок кудань прят / сваха-хозяюшка! Как поедешь в чужую страну, береги, береги ты себя. Еще больше береги поезжан...» [1. С. 98].

Подробное описание последующих действий зафиксировано М.Е. Евсевьевым, писавшим, что после обеда сваха начинает торопить поезжан скорее запрягать лошадей. При этом она поет, рассуждая о поезжанах свадебного поезда, конях, перелетных санях, лошадиной упряжи: «Сизьгемень сисем монь кудан, кавксоньгеменце монсь улян, вейксэньгемень монь дугам, сядешь топавтеме аядо. Седе курок, нроворне тынь кильдинка-поводинк серойть, буройть ракшиненк, перелётнойть нурдыненк, таргань уськетъ ождиленк, серойть, буройть тынк ракшанк / семьдесят семь моих поезжан, восьмидесятая я сама. Девяносто моих друзей, поедемте сотню дополнять. Поскорее, попрворнее запрягите, снарядите серых, бурых вы коней своих, перелетные свои сани. Вытянутые в проволоку вожжи. Серые, бурые ваши кони» [1. С. 100]. После этого поезжане расходились по домам и возвращались с собственными запряженными лошадьми, которых сваха тщательно осматривала, напевая обрядовую песню с перечислением упряжных деталей, порядком действий поезжан, расположением коней, телег. «Аздо, кудат, тынь кильдинк, перелегнойть крандазонк, серойть, буройть ракшиненк...сиянь сивекст тонгодо, пижень шлеят кядо, рисьмень ождят путодо, чирькестъ кильдинк кель марто, супонсть таргинк вал марго» / идите, поезжане, запрягите, своих серых, бурых вы коней, перелетные свои телеги.... наденьте хомуты серебряные, шлеи медные накинъте, вожжи из цепочек доложите, дугу запрягите с языком, супонь натяните со словом» [1. С. 105–106]. После этого каждый поезжанин к дуге своей повозки привязывал колокольчики и погремушки для защиты от нечистой силы (с. Выша, Кадышеве, Киртели, Кильдюшеве, в д. Починки, Новольяшевой (Симбирской у.), д. Урюм Тетюшевского у. Казанской губ.) [1. С. 432].

Несколько другое описание свадебного поезда, зафиксированное в с. Новая Лебежайка Хвалынского у., дает М.Т. Маркелов. Основным транспортом здесь выступали запряженные лошади. Пару из них запрягали в день свадьбы для мужчин, которые ехали наряжать родственников на свадьбу и просить лошадей для поезда. После их возвращения все родственники собирались в доме жениха и запрягали еще от 3 до 7 лошадей. Перед отправлением принято было накрывать стол и угощать поезжан [5. С. 5].

Этнограф Т.П. Федянович приводит другой вариант обустройства свадебного поезда: «Зимой лошадей запрягали цугом, летом парами, дуги украшали

лентами, бубенчиками» [16. С. 113]. В обряде присутствовало строгое распределение ролей родственников: «его (жениха) крестный назначался тысяцким, крестная – свахой, те, кто принимал участие в сватовстве, – “покш кудат” родственники, которые едут за невестой в день свадьбы, – “кудат»» [16. С. 113].

С момента прибытия свадебного поезда к воротам дома молодой начинается следующий этап – свадьба в доме невесты, где транспортные средства (сани, кибитка, карета, упряжь и их праздничное украшение, в том числе разнообразие колокольчиков и т.д.) задействованы как напрямую (подвоз, катание, с учетом количества, их разнообразие), так и опосредованно (с упоминанием в песнях, словах, причитаниях и т.п.). В мордовских деревнях, когда свадебный поезд подъезжал к дому невесты, «звучи колокольчиков и бубенчиков ... поднимают на ноги всю молодежь деревни» [1. С. 206], а ее родственники запирали ворота и требовали от приехавших выкупа. Невесте на голову *урьваля ават* накидывал фату. Она садилась на боковую лавку у чулана с причитанием, в котором встречаются слова «сани», «конское снаряжение»: «Тиринь тетяня кардаззо пешкедьсь ногай нурдодо, ваиынь тетянь кардонзо пешкедьсь ногай лишмеде, кардо икеле тулотае пешкедьсь ногай сивекстэ / двор родимого батюшки наполнился ногайскими санями, конюшни кормильца-батюшки наполнились ногайскими лошадьми, пред конюшнями – вешалки, наполнились ногайскими хомутами» [1. С. 200–201].

В с. Савкино, Оркино и Новозахаркино Петровского района Саратовской области подруги невесты встречали свадебный поезд, отбирали у участников поезда, преимущественно у приглянувшихся парней, предметы упряжи, шапки или фуражки. На головные уборы пришивали помпоны из разноцветных лоскутов (*чок*). После этого шапки у девушек выкупали [5. С. 115].

Затем у закрытых ворот начинался торг поезжан с родственниками невесты, каждый из которых должен был получить свою долю выкупа [10. С. 180]. М.Е. Евсевьев описывал этот эпизод так: «Пока покш куда и урывадыт торгуются у ворот, сваха и подруги невесты одновременно поют, а сваха за воротами, сидя на своем возке, обращается к урывадыт, просит их поскорее пустить на двор с упоминанием конской упряжи, оглоблей, дуг: “Ортасть панжияк келейстэ, Кришасть сайнк сэрейстэ, ... бути ортасть а панжсынк. Бути кришанть а сайсынк, азия песэнек панжсынек, чирьке прясонок сайсьшек” / “отворите ворота пошире, крышу поднимите повыше...если ворота не отворите, если крышу не снимете, концами оглоблей ворота отворим, верхушками дуг крышу снимем”» [1. С. 202].

Дальнейшие события последовательно включают угощение и просьбы свахи отдать невесту, причитания поезжан (ехали долгий путь, привезли съестные припасы и т.д.), плач невесты с обращением к подругам (не выдавать ее «башкирской женщине, у которой ноги как лягающей лошади») и заканчиваются выходом невесты во двор, пересаживанием ее в транспортное средство свадебного поезда и отъездом в церковь на венчание.

Для невесты для поездки в церковь или в дом к жениху готовили особый транспорт, в разных источниках обозначенный как телега, сани, кибитка «онава» (букв. дом бытия), карету «онавас», «онавать алу», «онавать фталу». М.Е. Евсевьев считал, что этот обычай был заимствован мордвой у татар [1. С. 266–267]. Кибитку покрывали «вельхдэрдой» (м.), свадебным покрывалом невесты. Его шили из нескольких полотнищ белого холста, размером от 5 до 6 м², вышивали цветными нитками строго регламентированное количество

(от 9 до 13) отдельно расположенных узоров (Наровчатский у.) [2. С. 78–79]. Бытовало также укрывание повозки шушпанями, принадлежащими невесте, и разноцветными кушаками (Саранского у.). М.Е. Евсевьев фиксировал в с. Бессоновка использование белой простыни с пришитыми к ней кистями из разноцветной шерсти. Один конец её опускали над входом в виде занавески, чтобы не было видно невесты. Внутреннее обустройство кибитки включало кошму, подушку, подвешенные на стенке зеркала и нательные кресты на гайтанах [1. С. 404].

Регламентировалось распределение ролей среди занимавшихся обустройством «он-авы». Так, вышивкой и украшением кибитки занимались подруги невесты, внутренним убранством – братья. После приезда в дом жениха «он-аву» принято было сжигать в печи. М.Е. Евсевьев зафиксировал такое причитание невесты при посадке в «он-аву»: «Белая «он-ава» – красота, белая «он-ава» – доброта! Если буду я счастлива, в высоту сделайся выше, в ширину – шире, на лицо – краше. Если же буду несчастна, в высоту – сделайся ниже, в ширину – уже, на лицо – желтее» [1. С. 404].

После процедуры выкупа, причитаний и благословений дружки выносили невесту на руках и сажали в сани или телегу, сваха и старший поезжанин трижды обходили карету и ехали в церковь [4. С. 210]. В с. Савкине Петровского уезда дружка свадебный поезд обходил дружка с косой [3. С. 711]. Порядок формирования и следования к церкви свадебного поезда с невестой соответствовал определенной схеме. Первым на наряженной колокольчиками и лентами лошади ехал друг жениха с приданным невесты, за ним пешком шли жених с невестой, с правой стороны – свекровь с иконой, с левой – крестная жениха с зеркалом, за ними остальные родственники. Иногда вместо дружки впереди процессии ехала подвода с сундуком невесты (Петровский р-н Саратовской области) [12. С. 140]. Родители невесты в поезде не участвовали [6. Л. 97].

Российский ученый Ж.В. Шерстобитова писала, что «в конце XIX – начале XX в. венчание молодых обычно совершалось в тот день, когда невесту увозили в дом жениха» [19. С. 533–534]. Перед церковью жених и невеста брались за руки и входили в церковь. Невеста во время венчания была накрыта шалью. После венчания жених и невеста целовались, но домой ехали на разных лошадях [1. С. 436–437]. Поезд после венчания направляется в дом жениха. У мокши невеста ехала туда на свадебном поезде, по пути принято было остановиться у кладбища и помянуть предков, вино при этом пили из колокольчиков, украшавших дуги лошадей. В Саранском уезде присутствие жениха в свадебном поезде было не обязательным, его отдельно привозили в церковь, а после венчания он уезжал обратно и до конца свадьбы скрывался у соседей [1. С. 279]. В случае, если жених принимал участие в праздновании, по приезду он шел в амбар, где ждал невесту, которую в это время приглашают в дом, сажают за стол в передний угол, угощают вином, а после отводят к жениху (сс. Выша, Кадышеве, Киртелях, Кильдюшеве, в д. Починки, Новольяшевой в пределах Симбирского у. и д. Урюме Тетюшевского у. Казанской губ.) [1. С. 438]. Родители невесты в поезде не участвовали (1924 г. с. Ст. Дракино (мордва-мокша) [11. С. 96].

В свадебных обрядах мордовского населения практиковались действия, направленные на предохранение традиционных средств передвижения жениха и невесты от негативного воздействия. Это издавна практиковалось всеми народами и описывалось не только этнографами, но и специалистами,

работающими в области естественных наук, психологии и медицины и исследовавшими этнографический материал, связанный со сферами их деятельности, например, зарубежными учеными Т. Ингольдом, Дж.М. Фостером, М. Хоппалом [21–23]. Приведем несколько таких примеров. Уредев обходил лошадь невесты три раза, после этого доходил до ворот, через которые должен был осуществиться выезд, и крестил ее (с. Новая Лебежайка Хвалынского у.) [4. С. 205–208]. Аналогичные действия осуществлялись с повозками, телегами и подводами перед выездом на венчание. Во время движения для защиты первыми шли родители жениха с иконой и свечкой (с. Новая Лебежайка Хвалынского у. Саратов. губ.) [5. С. 206–208]. В с. Кураево Теньгушевского района когда невесту собирались выводить из дома родителей, она обязана была сопротивляться, обязательно хватаясь за матицу. При этом перед ней заматают путь веником, чтоб разогнать нечистую силу [10. С. 29]. У мордвы-эрзи невеста около церкви не ступала на землю, а бросала под ноги платок. Иногда братья бросали ей под ноги рукавицы (Республики Татарстан (Альметьевский и Черемшанский районы), Чувашия (Алатырский район) и Башкирия (Кармаскалинский и Бижбулякский районы) АССР) [16. С. 37–38].

Бытование различных средств передвижения или их элементы (например, упряжь) отражены в устном поэтическом творчестве мордвы. В пословицах жена сравнивается с хомутом: «Эх, сон аф ашка, – сядазстот аф валхцак (м.) (с. Анаево бывш. Спасского уезда Тамбовской губ., ныне Zubovo-Полянского района) / Эх, она (жена) не хомут, с шеи не снимешь (поговорка)» [2. С. 55]. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки повествуют о поездках на свадебной церемонии, послесвадебных событиях, предупреждающих о возможных трудностях семейной жизни и мудрости управления собой и членами семьи, в которых упоминаются транспортные средства, упряжь. Например, «Вов кудатне элякодсть – сембе мусть, няк, лямбе пиза – афи тувихть тяста киза» / «Вот поезджане загудели – все гулять сюда (в наш дом) явились, – знать на целый год вселились» [11. С. 263]; «Вожнятнень полят – ичкози аф молят; ождятне поволить, лишметь васов а молить» / «Вожжи из рук выпустишь – далеко не уедешь» [11. С. 138]; «Кодама крандазс (нурде) озат, стама мор морат; кодамо улавс озат, истямо моро морат» / «В какую телегу сядешь, такую и песню запоешь» [11. С. 127]; «А эсь нурдозт (востозт) тят озсе» / «В чужие сани не садись» [11. С. 88]; «Алашать ниле пильгонза – и то пупорй; алашанть ниле пильнегэз – ялатеке пупорькшни» / «У лошади четыре ноги – и то спотыкается» [11. С. 59].

Кроме свадеб по сватовству у мордвы бытовали браки «уходом», или «самокрутки», похищением, где не обходилось без традиционных транспортных средств передвижения (напр., дер. Кузайкина, Мензелинского у.).

В результате изменений форм семьи, взаимоотношений ее членов уже в 1920-е гг. произошла трансформация свадебных обрядов, когда венчание в церкви сменилось заключением гражданского акта, что привело к частичной утрате традиционных обычаев и обрядов. На это повлияло также ухудшение экономического положения всего населения страны. Традиционные транспортные средства передвижения постепенно утрачиваются в 30-е гг. XX в. в связи со строительством железнодорожных путей сообщения, а появление автомобильного транспорта, особенно личного, привело к замене традиционных телег, подвод и повозок на него.

Оживление интереса к традиционной свадьбе у мордвы отмечается в 1950–1960-е гг., что было вызвано подъемом благосостояния, ростом жизненного уровня народа, а также потребностью и возможностью ярче и красочнее

отмечать значительные события в жизни человека. Автомобили, участвовавшие в свадебном поезде, также украшали лентами, цветами и другими свадебными атрибутами. Обряд защиты транспорта невесты от негативного воздействия путем трехкратного обхода автомобиля с кнутом или ножом бытует и сегодня.

Выводы. Таким образом, представленный комплексный анализ историко-этнологического материала показывает использование разнообразных транспортных средств передвижения в свадебной обрядности мордвы на территории мордовского края и в Поволжье, его варианты и трансформацию. Средства передвижения играли важную роль на всех основных этапах системы свадебных обрядов. В результате анализа собранных в экспедициях, в том числе за пределами исконной территории проживания мордвы, терминологии, содержащейся в эрзянских и мокшанских словарях, и других сведений мы пришли к выводу, что использование транспортных средств может иметь прямой практический, ритуальный и косвенный характер. Бытование различных транспортных средств передвижения и их элементов (упряжи, частей телег или саней и др.) во время свадьбы отражено в фольклорных произведениях мордвы: песнях, причитаниях, пословицах и др.

В церемонии использовались все виды транспорта: колесные (телеги, подводы, кибитки, кареты, дрожки и др.), санные (сани обычные выездные, сани-кошевные), санно-колесные (сани-кибитка и сани-каре́та, у которых в сезонное время полозья меняли на колеса). Они использовались для перемещения участников свадебного процесса, пищевых продуктов, что в ряде случаев сопровождалось обрядами, например поездка невесты в гости к родственникам по матери для подготовки приданого, привоз свахи в дом жениха.

Наиболее важную роль транспорт играл в формировании свадебного поезда, забиравшего невесту из дома родителей и доставлявшего в церковь (в настоящее время в ЗАГС), дом жениха. Расположение и роль всех участников строго регламентированы. Впереди могли находиться подвода с сундуком невесты, родители жениха с иконами и свечками, друг жениха верхом на коне, следом ехала кибитка невесты, дальше – остальные гости. В современных реалиях гужевой транспорт заменили автомобили, но роль свадебного поезда и часть обрядов, обставлявших его приезд (выкуп, конкурсы), сохраняются.

Транспорт, участвующий в свадебном поезде, украшается лентами и цветами. Особое ритуальное значение в нем имели кибитка «он-ава» или карета «онавас», «онавать алу», «онавать фталу», подготовка и использование которых обставлялось целым рядом обычаев и обрядов: назначение строго ограниченного круга лиц, занимавшихся украшением; вышивание специальных узоров на полотенцах, ее укрывавших; осуществление защитных обрядов с трехкратным обходом ее с кнутом или колюще-режущим предметом и т.д.

Определенная роль отводилась лошади (для всадника и в запряжке) и упряжи (кнут, сбруя, вожжи и т.п.). Самыми древними из известных являются формы сватовства, где лошадь играет значительную роль, так как от её здоровья и возможности быстро скакать иногда зависело, завершится ли оно свадьбой, сможет ли отец предполагаемого жениха, положившего ритуальное блюдо у ворот, уйти от погони, организованной родственниками невесты. Конная символика сопровождала свадьбу на этапе подготовки: ряжение в костюме лошади женщины, проводившей обряд защиты квашни для свадебных пирогов, установка на главный пирог лувонь кши фигурки всадника и др.

Сегодня свадебный обряд объединяет в себе образы и процессы, сформировавшиеся в советский период, с элементами, привносимыми модными тенденциями: одежда жениха и невесты, место регистрации, посещение памятников и т.д., что не лишает его традиционности. Сохраняется обычай организации свадебного поезда с украшенными транспортными средствами, что позволяет сделать вывод о значительной роли транспорта во время свадьбы в разные исторические периоды.

Литература и источники

1. *Евсеев М.Е.* Мордовская свадьба // Избранные труды. Историко-этнографические исследования. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 552 с.
2. *Евсеев М.Е.* Эрзянь-рузонь валкс = Мордовско-русский словарь. М.: Центрриздат, 1931. 226 с.
3. Извлечение из историко-географического описания Озерской волости Саратовского уезда, составленного А.Н. Минхом // Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1910. С. 681–720.
4. Карточки историко-этнографической экспедиции (сост. Ежова В.П.) // Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук. Оп. 1. И-267.
5. *Маркелов М.Т.* Саратовская мордва. Саратов: Изд-во мордов. подотдела Губерн. отдела по делам национальностей при Саратов. губисполкоме, 1922. 238 с.
6. Материалы Мордовской этнографической экспедиции за 1957 год. Запись Н. Спрыгиной // Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук. Оп. 1. И-496.
7. Мокшанско-русский словарь: 41 000 слов / Ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров – Правительстве Республики Мордовия; под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. М.: Рус. яз.: Дигора, 1998. 920 с.
8. Мордва в Хвалынском уезде князя Ф.С. Голицына // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов: Тип. Губернского Правления, 1881. Т. 1. Отд. 1. С. 117–195.
9. Мордва: Ист.-этногр. очерки / [В.И. Козлов, В.Н. Мартынов, В.Н. Шитов и др.]; редкол.: В.И. Козлов (отв. ред.) и др.]. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 334 с.
10. Мордва Заволжья / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров – Правительстве Респ. Мордовия; редкол.: В.И. Козлов (отв. ред.), П.Д. Грузнов, И.М. Петербургский и др. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1994. 184 с.
11. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / [вступ. ст., запись, систем. обраб. текстов и пер. их на рус. яз. К.Т. Самородова]. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1986. 277 с.
12. Мордва Саратовской области / Л.И. Никонова, С.А. Махалов, Т.Н. Охотина и др.: под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2013. 252 с.
13. П-В, Гр. Мордовское село Лобаски // Нижегородские епархиальные ведомости. 1887. № 13. С. 669–683.
14. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры / Науч.-иссл. ин-т. яз. лит., истории и экономики при Совете Министров Морд. АССР. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 304 с.
15. *Федянович Т.П.* Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века – 1980-е годы). М., 1997. 183 с.
16. *Федянович Т.П.* Свадебные обряды мордвы-эрзи Татарской, Чувашской и Башкирской АССР // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. Вып. 45. С. 110–121.
17. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры (определитель) / А.С. Бежкович, С.К. Жегалова, А.А. Лебедева, С.К. Просвиркина. М.: Сов. Россия, 1959. 254 с.
18. *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1910. 680 с.
19. *Шерстобитова Ж.В.* Свадебные обряды мордвы конца XIX – XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 532–537.
20. Эрзянско-русский словарь: ок. 27 000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской АССР; под ред. Б.А. Серебренникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мошина. М.: Рус. яз.: Дигора, 1993. 803 с.
21. *Foster G.* Medical anthropology. New York, 1978, 354 p.
22. *Jngold T.* An anthropologist looks at biology. *Man*, 1990, vol. 25, no. 2, pp. 208–229.
23. *Hoppal M.* Schamanen and Schamanismus. Augsburg, Pattloch (in Japanese), Tokyo, Seidosha, 1998, 185 p.

НИКОНОВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (congress7@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>).

ТРИБУШИНИНА СВЕТЛАНА ДМИТРИЕВНА – кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (tribushinina85@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3472-3640>).

Liudmila I. NIKONOVA, Svetlana D. TRIBUSHININA
VEHICLES IN THE WEDDING CEREMONY OF THE MORDVINS:
FROM THE HISTORY OF RURAL LIFE TRADITIONS

Key words: vehicles, wedding, tradition, the Mordvins, rural life.

A growing interest in the diversity of life-support traditions in rural areas in ethnotourism and in the field of preserving cultural heritage for the younger generation actualizes research in the field of using certain means in ceremonial culture. The wedding ceremony involving traditional means of transportation and their elements is one of the most attractive for the study and reproduction. The scientific novelty of the study is due to lacking comprehensive analysis of the role of vehicles in wedding ceremonies among the Mordovian population in the Republic of Mordovia and beyond.

The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of using vehicles, their elements and images in the Mordovian wedding ceremony system in the territory of the Volga region.

Materials and methods. The article analyzes data on the participation of vehicles in the wedding ceremony among the Mordovian population, obtained from research literature and field data collected both in the Republic of Mordovia and in ethnographic expeditions in Saratov region. The methods of historicism, typologization and comparative analysis were applied.

Research results. The terminology of vehicles and their components contained in the historical, ethnological and linguistic material is revealed: names related to the arrangement of the wedding train (names of wedding wagons ("on-ava", "onavas", "onavat alu", "onavat ftala"), participants in the process ("ava-where", "atya-where", "anda"), objects that decorated the vehicle "velkhdarda", "garni", "gromok"), etc. The stages of the wedding are analyzed, during which transport was used: the bride's trip to relatives to prepare the dowry, the matchmaker's arrival to the groom, the wedding train, etc. The article presents folklore works confirming the use of various types of vehicles (horses, carts, sleighs, etc.).

Conclusions. The analysis of the wedding ceremony showed that the Mordvins actively used vehicles of various types in the process of its conduct. A certain role was given to the horse (for the rider and in a tandem-type team, for example; as a beasts of burden for transporting people, things, products, etc.) and harness (whip, harness, reins, etc.), sledge-wheeled (sledges, carts) groups of traditional means of transportation (low wide sledges, wagons, carriage, droshky and others).

References

1. Evsev'ev M.E. *Mordovskaya svad'ba* [The wedding of the Mordvins]. In: *Izbrannye trudy. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Selected works. Historical and ethnographic research]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1966, vol. 5, 552 p.
2. Evsev'ev M.E. *Erzyan'-ruzion' valks* [Erzya-Russian dictionary]. Moscow, Tsentroizdat Publ., 1931, 226 p.
3. *Izvlachenie iz istoriko-geograficheskogo opisaniya Ozerskoi volosti Saratovskogo uyezda, sostavlennogo A.N. Minkhom* [Derived from the historical-geographical description of the Ozersk volost of Saratovskiy uyezd, composed by A. N. Minx]. In: *Mordovskii etnograficheskii sbornik* [Selected works. Mordovian ethnographic collection of works]. St. Peterburg, 1910, pp. 681–720.
4. *Kartochki istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii (sost. Ezhova V.P.)* [Cards of the historical and ethnographic expedition]. In: *Nauchnyi arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk. Opis' 1. Edinitsa khraneniya I-267* [Scientific archive of the Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia. Anagraph 1. Storing Unite I-267].
5. Markelov M.T. *Saratovskaya mordva* [Mordvins of Saratov]. Saratov, 1922, 238 p.

6. *Materialy Mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii za 1957 god. Zapis' N. Sprygina* [Materials of the Mordovian ethnographic expedition for 1957. Recording by N. Sprygina]. In: *Nauchnyi arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk. Opis' 1. Edinitsa khraneniya I-496* [Scientific archive of the Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia. Anagraph 1. Storing Unite I-496].

7. *Mokshansko-russkii slovar': 41 000 slov* [Moksha-Russian dictionary: 41,000 words]. Moscow, Russkii yazyk Publ., Digora Publ., 1998, 920 p.

8. *Mordva v Khvalynskom uezde knyazya F.S. Golitsyna* [Mordovia in the Khvalynsky district of Prince F.S. Golitsyn]. In: *Saratovskii sbornik. Materialy dlya izucheniya Saratovskoi gubernii* [Saratov collection. Materials for studying the Saratov province]. Saratov, 1881, vol. 1, dep. 1, pp. 117–195.

9. *Mordva: Ist.-etnogr. ocherki* [Mordvins: historical and ethnographic essays]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1981, 334 p.

10. *Mordva Zavolzh'ya* [Mordvins of the Volga region]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1994, 184 p.

11. *Mordovskie poslovitsy, prislovitsy i pogovorki* [Mordovian proverbs, proverbs and sayings]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1986, 277 p.

12. Nikonova L. I., Makhalov S.A., Okhotina T.N. *Mordva Saratovskoi oblasti* [Mordvins of the Saratov region]. Saransk, 2013, 252 p.

13. P-V Gr. *Mordovskoe selo Lobaski* [Mordovian village Lobaski]. *Nizhegorodskie eparkhial'nye vedomosti*, 1887, no. 13, pp. 669–683.

14. *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: v 8 t. T. 7, Ch. 3: Kalendarno-obryadovye pesni i zagovory* [Oral and poetic creativity of the Mordovian people. 8 vols. Vol. 7, part 3: Calendar and ritual songs and conspiracies]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1981, 304 p.

15. Fedyanovich T.P. *Semeinye obychai i obryady finno-ugorskikh narodov Uralo-Povolzh'ya (konets XIX veka – 1980-e gody)* [Family customs and rituals of the Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region (late 19th century – 1980s)]. Moscow, 1997, 183 p.

16. Fedyanovich T.P. *Svadebnye obryady mordvy-erzi Tatarskoi, Chuvashskoi i Bashkirskoi ASSR* [Wedding ceremonies of the Mordovian-Erzya Tatar, Chuvash and Bashkir ASSR]. In: *Materialy po arkhologii i etnografii Mordovii* [Materials on archeology and ethnography of Mordovia]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1974, pp. 110–121.

17. Bezhkovich A.S., Zhegalova S.K., Lebedeva A.A., Prosvirkina S.K. *Khozyaistvo i byt russkikh krest'yan. Pamyatniki material'noi kultury (opredelitel')* [The economy and life of Russian peasants. Monuments of material culture (determinant)]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1959, 254 p.

18. Shakhmatov A.A. *Mordovskii etnograficheskii sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. St. Peterburg, 1910, 680 p.

19. Sherstobitova Zh.V. *Svadebnye obryady mordvy kontsa XIX – XX v.* [Wedding ceremonies of the Mordovians of the late XIX – XX centuries]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I.*, 2008, no 73-1, pp. 532–537.

20. *Erzyansko-russkii slovar': ok. 27 000 slov* [Erzya-Russian dictionary: approx. 27,000 words]. Moscow, Russkii yazyk Publ., Digora Publ., 1993, 803 p.

21. Foster G. *Medical anthropology*. New York. USA, 1978, 354 p.

22. Jngold T. An anthropologist looks at biologi. *Man*, 1990, vol. 25, no 2, pp. 208–229.

23. Hoppal M. *Schamanen and Schamanismus*. Augsburg, Pattloch (in Japanese), Tokyo, Seidosha, 1998, 185 p.

LIUDMILA I. NIKONOVA – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia, Russia, Saransk (congress7@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>).

SVETLANA D. TRIBUSHININA – Candidate of Culture Studies, Senior Resercher, Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia, Russia, Saransk (tribushinina85@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3472-3640>).

Формат цитирования: *Никонова Л.И., Трибушинина С.Д.* Транспортные средства передвижения в свадебной обрядности мордвы: из истории традиций сельского быта // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 104–116. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-104-116.